

Валерий Лесков

Революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л50

Л50 **Лесков В.**
Революция / Валерий Лесков – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-907640-16-0

"Жизненные ситуации – что может быть интереснее! Сначала писатель как созерцатель и наблюдатель подсматривает за окружающими, собирает умозаключения, идеи, фантазии на листках записной книжки, а потом из этого получается такое повествование, которое хранится в памяти читателей живыми образами, бегущей кинолентой.

Книга Валерия Лескова «Революция» – сборник рассказов, больше похожих на кадры из кинороманов: ромкомов, философских и исторических фильмов. Слишком ярко, слишком ясно, слишком наглядно, эмоционально и дерзко рассказаны автором эти истории, точно это не рассказы вовсе, а сценарии..."

ISBN 978-5-907640-16-0

© Lennex Corp, 2023
© В. Лесков, 2023

СЕРИЯ «АЛЬМАНАХ АВТОРА» ●

Серия «Альманах автора»

Валерий Лесков

РЕВОЛЮЦИЯ

Сборник рассказов

Москва
Интернациональный Союз писателей
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л50

Лесков, Валерий

Л50 Революция: сборник рассказов / Валерий Лесков. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2023. – 112 с. (Альманах автора).

ISBN 978-5-907640-16-0

Жизненные ситуации – что может быть интереснее! Сначала писатель как созерцатель и наблюдатель подсматривает за окружающими, собирает умозаклучения, идеи, фантазии на листках записной книжки, а потом из этого получается такое повествование, которое хранится в памяти читателей живыми образами, бегущей кинолентой.

Книга Валерия Лескова «Революция» – сборник рассказов, больше похожих на кадры из кинороманов: ромкомов, философских и исторических фильмов. Слишком ярко, слишком ясно, слишком наглядно, эмоционально и дерзко рассказаны автором эти истории, точно это не рассказы вовсе, а сценарии...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907640-16-0

© Валерий Лесков, 2023
© Интернациональный Союз писателей, 2023

РЕВОЛЮЦИЯ

– М-да... – задумчиво вздохнул красивый кругленький господин в черных бриджах, тапочках на босу ногу и красной майке. Он легонько почертил прутиком по прибрежному речному песку, и у него легко вышел женский профиль, точно так, как на общеизвестных рисунках Пушкина. – Народ распустился до невозможного состояния. – Он снова вздохнул и грустно улыбнулся собеседнику, который наматывал футболку на голову наподобие арабского головного убора, чтоб прикрыться от палящего августовского солнца. Он и походил на араба – худощавый, загорелый, с густой щетиной на щеках.

Мужчины, вяло потягивая пиво из баночек, краем глаза наблюдали, как плескаются на мелководье их дочери – девочки лет пяти. Одна в красном, а вторая в оранжевом, как у взрослых дам, купальниках.

– Свобода... – нехотя отозвался араб.

– Сила нужна и власть, – тверже сказал круглый. – Представь, насколько преступность уменьшилась бы, верни мы телесные наказания. – Он жестко улыбнулся. – Порки хорошей не хватает. Мно-о-гим.

– Думаешь, помогло бы? – спросил араб.

– Конечно. Ты хоть знаешь, что это такое – порка? – круглый чуть подался вперед, увлекаясь. – Мы-то и не знаем, только слово слышали, – огорчился он, – а предки не дураки были. Они-то понимали, боль – лучший воспитатель. Можно же месяцы потратить, объясняя, и они при своем останутся. Или – одна хорошая порка.

Араб с сомнением качнул головой.

– Да, – круглый заговорил живее, – ты ударялся когда-нибудь об острые углы дивана, там, или шкафа?

– Бывало.

– Ай, как больно, да? – зажмурился круглый. – Прямо ух! И мозги сразу прочищаются. Мир иначе воспринимается. Не так, что ли?

– Да-а... – протянул задумчиво араб.

– Вот! А представь, что будет, когда вдарят кожаным кнутом тяжелым, плетеным? Да со свинцовыми гирьками на концах. С размаху. С оттягом! Боль острейшая, жгучая, все тело пронзает. И долгая... да, я читал, она не проходит. Жжет. А тут еще... И еще... И полсотни горячих! Каково?

– Бр-р-р... – передернуло араба.

– Вот и перевоспитали дурачк, – подмигнул круглый. – А делов-то пятнадцать минут работы. – Он довольно потер руки. – Потом месяца два только в себя приходиться будет, лечиться. И уж точно выпендриваться перед властью не станет, никогда. Вот бы нашим, – он снова подмигнул, явно намекая на кого-то конкретного, – применить, ходили б как шелковые. Ни о каких правах человека и не заикались бы и шапку перед господами ломали б за версту. Как при царе-батюшке бывало.

– Я баб всех современных выпорол бы, – откликнулся араб, – вот уж кто воли взял много. А так бы каждой по двадцать горячих всыпали – и красота. Мужьям не перечили б и о карьерах забыли. – Он мечтательно покачал головой. – Ну а мужики, говорят, бывают такие, что ничем не сломаешь. – Вспомнил он слышанное в школьные годы.

– А, – махнул рукой круглый, – и на них управа была. Например, ноздри рвать. Ух! – он дернул плечом. – Жуть! Клещами железными, представляешь, ноздри вырывают? Больно ужасно. И на всю жизнь отметина такая, что никто и близко не подойдет, как прокаженный будешь. Я бы коммунякам повыврал бы и либерастам за компанию. А если это не подействует – башку отрубят, – продолжил он, – закон суров был всегда. Это щас расхлябанность какая-то появилась. Или нет, – круглый раззадорился и заерзал. –

Четвертование! Вот – дело. Одну руку отрубят, потом вторую. И не спеша, чтоб помучился и другим в назидание. Потом ногу долой, затем следующую. И когда уж обрубок один останется, можно и башку снести, – он выдохнул восхищенно. – Такое увидишь раз, и никакое равноправие в голову не полезет. Ух!

– Да, – поддержал приятеля араб. – Видел картинку в школьном учебнике, как за ребро подвешивали, тоже неслабо. – Он ласково махнул дочурке рукой, улыбнулся, о чем-то поразмыслив, и продолжил, – и цензуру вернуть бы, чтоб всякое быдло не лезло со своими писанинами да блогами, да видео. Сильно на молодежь влияет.

– А молодежи работать побольше надо. А они тут всё учатся! – затараторил круглый. – Какая, к черту, учеба? Пусть быдло работает, вкалывает и место свое знает. А то каждый у нас теперь гражданин, права у него! Здравое охранение им подавай, образование. А рылом-то вышли? Вон, дворяне как порядок держали. Пикнуть никто не смел. С голоду подохни, а господского не трожь! Шапку долой, когда барин идет. И поклонись, не сломаешься. Слышал, простолюдинам даже по тротуару ходить нельзя было. Там господа гуляли. А эти по дороге, по говнищу! И много мест было, куда всякое простонародье не допускалось. А нарушишь – в рыло получишь. Или порка... И правильно их в школы не брали. Пусть пашут...

– Блин, – вздохнул с сожалением араб, – а потом революция эта.

– Да, – поник круглый, – и тех, кто весь этот скот тыщи лет вот так, в кулаке держал. – Он крепко сжал ладошечку, демонстрируя. – Это ж быдло ни за что ни про что, без суда и следствия начало зверски репрессировать. Вот что значит дорвались до власти, сволочи. Насилие... Страшное насилие... Один тридцать седьмой год чего стоит. Вот чем объяснить эту жестокость?..

Шустрые девчушки, вдоволь наплескавшись в речке, бодро подбежали к отцам. Те, сразу забросив интеллектуальную беседу, принялись растирать малявок полотенцами, ласково и добродушно бормоча много-много добрых слов.

ЦЕРКОВЬ

Июль превратил центральные улицы города в пыльные и горячие ловушки с беспощадным солнцем над головой. Поэтому я ухожу метров на триста вправо и шагаю по реальности параллельной – тенистой и почти бестранспортной. Иркутск, конечно, не мегаполис, но и тут иногда приходится бежать от цивилизации. Здесь тихо.

Слышу, что у меня появился спутник – позади. Вышел из соседнего двора, наверное. Кажется, говорит по телефону. Идет неспешно вослед мне, так что я невольно свидетельствую.

– Мы живем в двадцать первом веке, а человечество все еще занято только тем, что режет друг друга, давит и грабит, – говорит, горячась, он. – Да, тебе легко шутить здесь, в относительно благополучной Сибири, – ответил он на реплику своего собеседника и продолжил, – а каково в других местах? – Он снова помолчал, выслушивая ответ. – Нет, не так. Люди разумны и должны видеть настоящие проблемы, решать их. А мы только чуем, что у соседа больше вкусного и неплохо бы это отжать... Да, именно... Как чем заниматься?.. Да, большинство людей должны заниматься наукой. И чем больше, тем лучше. Да... Да потому что задачи колоссальные... Какие? Ну... например... солнце погаснет. Да, это нескоро. Но и решить такое еще долго будет нам не по силам. Как-как... Ну, тут либо готовить переселение на иные планеты, либо научиться управлять ядерными реакциями, чтоб регулировать само солнце... Вот,

а с развитием технологий и ростом производительности труда малюсенький процент людей сможет обеспечивать необходимым остальных. Большинство и должно заниматься наукой... Да... Для этого людей нужно очень много. Мозги нужны... много. Поэтому о сокращении населения и думать нельзя. Мальтузианство – средневековье!.. Да... И чтоб все получали отличное образование, именно высшее. Что значит не все гении? А рутина? Ее в науке хватает. Вот... А мы всё делим копейки да друг другу глотки грызем... А выход лишь один – наука и коммунизм... Ну... сначала – социализм... – говорящий затих, слушая своего собеседника. – Да, я почти пришел, – отозвался он. – Все сделаю как надо... Да, две поставлю... Да... прочитаю... да... попрошу... запишу...

Я с легким почтением остановился перед небольшим храмом, недавно отреставрированным. Место историческое. При Советах там научное учреждение было. Хрустобулочки утверждают (пожалуй, не врут), что именно здесь венчался их любимец Колчак.

Разговорчивый строитель коммунизма прошагал мимо. Он оказался интеллигентным молодым человеком с аккуратной бородкой и телефоном по-модному – у рта на пальчиках.

– Я все сделаю как надо, – еще раз сказал он, – не беспокойся. – Выключил аппарат и сунул его в сумку.

Я одобрительно и с уважением окинул единомышленника взглядом. А тот истово перекрестился трижды и решительно направился к дверям церкви.

МАЖОРЫ

Мы вышли из филармонии оглушенные и подавленные величием искусства. За спиной вспышками фантомов еще звучали скрипки оркестра, голоса солистов и гром оваций.

Блаженные улыбки и вялые порывы восторга затихающей бурей плескались в стаканах наших душ. А в это время прохладный апрельский вечер уже заострил черты города, словно близкая смерть. Пора бежать.

Я нажал кнопку, чтоб завести двигатель автомобиля, но брелок в ответ лишь жалобно пискнул. Что за чертовщина? Машина уже хорошо видна на стоянке, но на импульс не реагирует. Плохое предчувствие заскребло под ребрами. Жена уловила мое беспокойство.

– Что?

– Кажись, нам хана, – притворно-бодро отзываюсь я.

Хотя веселого мало: сто километров от дома, чужой город, сел аккумулятор. С нами уже бывало так, что единственный водитель в безлюдных местах отказался помочь в сходной ситуации. Здравствуй, паника...

Одно радует – тут не дикое поле, и автомобилистов полно. Скоренько готовлю комплект проводов и еще быстрее бегу к соседним машинам – успеть, пока не разъехались счастливые меломаны.

Мне везет. Первый же упитанный дядя на большом кроссовере соглашается «прикурить». Пока готовим машины, перекидываемся дежурными фразами.

– С концерта? – спрашивает он и смущенно улыбается, мол: понятно же, все мы оттуда.

Я киваю в знак согласия.

– Понравилось? – спрашивает он снова.

– Да, просто великолепно! Такие таланты! Хотя изредка послушать настоящих мастеров... – Тут я не лгу, мне и впрямь по душе увиденное.

– Мажоры они, – поморщился дядя, присоединяя прищепку к клемме.

– Как это? – не поверил своим ушам я, делая то же на своем авто.

– Мажоры – это дети богатых, насколько я знаю?